

УДК 378

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЦИКЛА

Сенько Е.В.

ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»,
Владикавказ, e-mail: senkoelena@yandex.ru

В статье рассматривается проблема формирования профессиональных компетенций на занятиях лингвистического цикла, в частности, на занятиях по современному русскому языку, который играет главную роль в подготовке специалиста-филолога; в результате анализа конкретного дидактического материала, включающего в себя новые лексические единицы, утверждается, что поскольку слово – это не только номинативная единица языка, но и орудие мышления и познания, именно работа с лексическими единицами вырабатывает способность анализировать социально значимые проблемы и процессы и в конечном итоге – способность понимать сущность и значение информации в развитии современного информационного общества. Отмечается, что лингвистический материал дает прекрасную возможность формировать все необходимые профессиональные компетенции, на которые ориентирована программа бакалавриата и которые включаются в набор требуемых результатов освоения данной программы.

Ключевые слова: компетентный подход, компетенция, коннотация, лексическая единица, программа бакалавриата, система, федеральный государственный образовательный стандарт

THE FORMATION OF STUDENTS' PROFESSIONAL COMPETENCIES AT THE LESSONS OF LINGUISTIC CYCLE

Senko E.V.

North Ossetian state University named by K.L. Khetagurov, Vladikavkaz,
e-mail: senkoelena@yandex.ru

The article deals with the problem of formation of professional competences at the lessons of the linguistic cycle, in particular on the lessons of modern Russian language, which plays a major role in the preparation of the expert-philologist; the analysis of the specific didactic material, including new lexical items, demonstrates that since the word is not only a nominative unit of language, but also an instrument of thinking and cognition, the work with lexical units develops the ability to analyze socially significant problems and processes and, ultimately, the ability to understand the nature and significance of information in the development of modern information society. It is also noted that the linguistic material provides an excellent opportunity to generate all the necessary professional competences, which are the focus of the undergraduate program and that are included in the set of required learning outcomes of the program.

Keywords: competence approach, competence, connotation, lexical unit, the undergraduate program, system, Federal state educational standard

В подготовке филологов-русистов классических университетов лингвистические дисциплины, в частности, курс «Современный русский язык», состоящий из нескольких относительно самостоятельных частей, занимает центральное место: он закладывает основы знаний лингвистической теории и дает развернутое описание всех уровней системы современного русского языка.

Задача курса – познакомить студента с современными представлениями об «устройстве» русского языка, его функционировании в дискурсивном пространстве, чтобы будущий специалист получил фундаментальные знания, необходимые для преподавания русского языка, а также для работы с ним в качестве объекта в других профессиональных областях.

Изучение лексикологии, как одной из составляющей названного учебного предмета, предусматривает знакомство студентов с важнейшими явлениями и процессами в лексической (фразеологической) системе

современного русского литературного языка. При этом можно считать общепризнанной необходимость использования компетентного подхода в процессе обучения студентов, чего требуют и стандарты высшего образования нового поколения.

В современных условиях экономического и социального прогресса общества, глобализации образовательного пространства, внедрения принципов европейского высшего образования (Болонский процесс) понимание особой важности компетентного подхода к процессу подготовки бакалавров становится особенно очевидным.

Компетентный подход предусматривает учет интегральной сущности компетенций, в силу чего проведение занятий должно базироваться на активных и интерактивных методах усвоения учебного материала, что достигается моделированием смешанных форм учебных занятий [3, с. 90]. Для того чтобы подобное моделирование было эффективным, необходимо, во-

первых, вносить изменения в учебно-методическую литературу, во-вторых, обращать внимание на профессиональные компетенции обучающихся.

За последние десятилетия содержание курса «Современный русский язык» существенно изменилось, что связано с бурным развитием самой лингвистической теории: наряду с появлением значительного количества обобщающих работ и частных наблюдений, возникли новые научные направления, изменившие в той или иной степени понимание традиционных вопросов науки о языке. Один из них – семантическая структура слова.

Нельзя сказать, что вопрос о семантической структуре слова не затрагивался в вузовском курсе «Современного русского языка»; см., например, учебные пособия А.В. Калинина «Лексика русского языка» [4], М.И. Фоминой «Современный русский язык. Лексикология» [9], Аникиной А.Б., Бельчикова Ю.А., В.Н. Вакурова и др. «Современный русский язык» [6], Н.М. Шанского «Лексикология современного русского языка» [10], однако теоретический материал, представленный в указанных учебниках по современному русскому языку для высшей школы, не дает возможности сформировать достаточно полное представление, тем более понятие о названном предмете.

Цель статьи – показать возможность формирования профессиональных компетенций студентов на примере одного из занятий лингвистического цикла, посвященного изучению семантической структуры слова.

В современной лексикологической науке семантическая структура слова понимается как комплексная структура, в состав которой входит ряд макрокомпонентов: денотативный, эмотивный, собственно-языковой, эмпирический [5, с. 54]. Такой подход к пониманию семантической структуры слова начинает находить отражение и в современной учебной литературе [2, с. 76–82; 7, с. 11–15]. В соответствии с этим при изучении указанной темы студентам предлагается сопоставить теоретический материал учебных пособий с целью выяснения динамики научной мысли.

В связи со сказанным становится очевидной необходимость изучения рассматриваемого теоретического вопроса, включенного в учебную программу дисциплины, в свете современных научных достижений, что обуславливает формирование у студентов такой профессиональной компетенции, как способности демонстрировать знание основных положений и концепций в области общего языкознания, теории и истории

основного изучаемого языка (языков), теории коммуникации.

Изучение коннотативной динамики слова целесообразно проводить на основе конкретного языкового материала, в данном случае новых словарных материалов, дающих возможность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции, способность анализировать социально значимые проблемы и процессы. В качестве подобного лексического материала предлагается определенный блок словаря, представляющий собой заимствования на современном этапе развития русского языка. Считаем, что более актуальным является обращение не к английским заимствованиям, а к лексике, транслируемой из восточных языков; это обусловлено экстралингвистически, то есть сложившейся в современном российском обществе политической ситуацией, обусловившей усилившееся внимание России к Востоку.

Именно изменения на уровне эмотивного компонента лексического значения выражают отношение к тем или иным понятиям, типичным для определенного этноса. Чтобы выявить коннотативные сдвиги в значении слов, студенты должны работать с лексикографическими справочниками, а также анализировать семантическую динамику на базе материала Национального корпуса русского языка.

Так, слово *аятолла* [< ар. *aiat* – чудо, знамение + *al-ilah* – Бог, букв. божественное знамение, чудо Аллаха] – у шиитов высший духовный титул ученого-богослова, имеющего учеников и последователей, духовный лидер [НСИС] – демонстрирует, по данным Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), новую, лексикографически не отраженную информацию; «предписанная ему словарями позитивная коннотация не всегда сопровождается его в текстах. Ср.: *Режим аятолл большинству иранцев, так мне показалось, как кость в горле.* [Сергей Лесков. *Бомба без галстука* // Известия, 2006.08.24]; *Госсекретарь США Колин Пауэлл по этому случаю разразился в Вашингтоне филиппикой в адрес «узколобых аятолл, которые препятствуют стремлению иранского народа к свободе и используют священные знамена ислама в своих корыстных политических целях»* [Чародеев Геннадий. Атом оказался мирным // Труд-7, 2003.11.12] [1, с. 4]. Слово *джихад* (буквально «усердие, усилие») обозначает борьбу за веру – распространение и утверждение ислама вплоть до «священной войны» против иноверцев, газават. Однако «для зрелого просвещенного Ислама первенствуют»

шее значение имеет не внешний, а внутренний джихад: «священная война», которую верующий ведет с грехом в собственной душе» [митрополит Владимир (Иким). ... А друзей искать на Востоке (1999) – НКРЯ]. Тем не менее понятие «джихад» обычно ассоциируется с вооружённой борьбой, направленной против людей другой веры, в силу чего понятие именно военного джихада стало основным значением для немусульман и получило название «священная война», закрепившись в русском языке с отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской.

Обращает на себя внимание усложнение семантической структуры и появление коннотации у слова *моджахед*.

Ср.: *моджахеды*

1. Участники социальных, национально-освободительных и религиозных движений в странах мусульманского Востока (в т.ч. члены отрядов вооруженной оппозиции в Афганистане (1979–1989), ставящие своей целью свержение существующего режима).

2. Члены исламистских террористических группировок (Словарь новых иностранных слов, 2010).

Моджахед. В Афганистане: вооруженный боевик [Словарь иностранных слов, 2006].

Таким образом, коннотация данного слова демонстрирует исчезновение семы отрицательной эмоциональной окраски.

В этой связи интересен комментарий к этому слову в Википедии: «В европейских языках термин «моджахед» часто воспринимается как синоним понятия «исламский боевик», «террорист» Во многом это связано с тем, что моджахедами себя именовали многие вооружённые противники политики европейских государств, прибегавшие в том числе и к террору (например, афганские моджахеды)» [ru.wikipedia.org/wiki/Моджахед].

Коннотативную динамику демонстрирует и арабизм *хиджаб* – лицевое покрытие, темный платок у мусульманских женщин [БСИС, 2007]. В материалах Википедии содержится уточнение следующего содержания: «Хиджаб – это не просто платок, это одежда, полностью соответствующая нормам Шариата. Необтягивающая, длинная, невызывающая» [https://ru.wikipedia.org/wiki/Хиджаб].

Арабизм *хиджаб*, несомненно, перестал быть для носителей русского языка экзотизмом в связи с тем, что число последователей норм Шариата в России значительно увеличилось. Споры о ношении хиджаба, принявшие характер конфликта в целом ряде стран, достигли и России, где «в октябре 2012 года в Ставропольском крае разгорел-

ся скандал из-за запрета ношения хиджаба в школах края, расположенных в районах с большинством мусульманского населения» [https://ru.wikipedia.org/wiki/Хиджаб].

Негативная коннотация появилась у этого арабизма именно в заимствующих языках, в том числе и русском, где это слово принимает символическое значение. Подтверждением этому могут служить следующие примеры из НКРЯ: *Президент Николя Саркози назвал хиджаб «символом порабощения и унижения», а французский министр по делам иммиграции Эрик Бессон, не стесняясь в выражениях, объявил такое одеяние «ходячим гробом»*. [Татьяна БЕЗРУКОВА. Франция запретила хиджаб // Комсомольская правда, 2011.03.04 – НКРЯ]; *Бессон также сказал, что жительницам Франции негоже носить хиджаб, так как это принижает статус женщины в европейском обществе* [Олег ШЕВЦОВ. Французское правительство ополчилось на иммигрантов // Комсомольская правда, 2009.10.28 – НКРЯ].

Обращает на себя внимание расширение семантики заимствованного слова *халяль*, связанное с приобретением явно положительной оценки. Халяль сегодня ассоциируется с неким знаком качества, с экологически чистой продукцией. Ср.: «*Халяль в России – больше, чем халяль. Сейчас это, похоже, становится такой модной тенденцией*» [www.ntv.ru/novosti/201661]; «Халяль» – наоборот, что-то хорошее, честное, праведное. Халяльные деньги (не путать с халявными) – чистые деньги [Румия АХМИРОВА. (Наш спец. корр.). Москва – Мекка – Медина. Как я совершала хадж // Комсомольская правда, 2004.02.27 – НКРЯ].

Несколько раз менялась коннотативная окраска слова *казак*, что, в свою очередь, обусловлено меняющимся в разные исторические эпохи отношением официальной власти к казачеству как социальному явлению.

Положительный образ казачества, которое являлось оплотом царского самодержавия, определяет соответствующий коннотативный ореол слова *казак*: *Отец Жени, бравый казак, служил в царской охране* [Дубичева Ксения. Ширак отвечает Бедновой // Труд-7, 2005.01.29 – НКРЯ]; *Во время первой мировой войны первым русским героем и первым Георгиевским кавалером стал донской казак Кузьма Крючков* [Ведущий книжного обозрения Александр Громов // Труд-7, 2007.05 – НКРЯ].

В эпоху Советской власти прослеживалось сдержанно негативное отношение к казачеству как оплоту царского самодержавия: *Был избран в ревком, а потом примкнул к белым, но из его сотни ни один казак*

в расстрелах красных не участвовал [Наталья ДРОЗДОВА («КП» – Нижний Новгород»). Нижегородец нашел настоящего Григория Мелехова // Комсомольская правда, 2006.11.14 – НКРЯ].

Современное казачество России приобретает особый статус как полноправный преемник лучших традиций государственности и служения Отечеству, выработанных на протяжении многих веков и десятилетий существования казачьей общности: *Лично я готов к защите конституционно избранного президента России хоть сейчас. Просто кубанский казак* [// Труд-7, 2006.12.01 – НКРЯ]; *Их отправляли в Москву для службы в Президентском полку, в личный состав которого с недавних пор входят и кубанские казаки* [Макарова Оксана. Пижон попал в Президентский полк // Труд-7, 2005.09.24 – НКРЯ].

Таким образом, коннотативные изменения в семантической структуре слова протекают в следующих направлениях:

- исчезают семы отрицательной эмоциональной оценки; лексические единицы приобретают положительные эмотивные семы;
- семы положительной эмоциональной оценки меняются на отрицательные эмотивные семы;

- нейтральные эмотивные семы трансформируются в семы положительной или отрицательной эмоциональной оценки.

Каждое направление разрабатывается отдельной группой студентов, обеспечивая развитие способности работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия [10]; в этом отношении именно восточная лексика – особенно богатый материал, так как отражает конфессиональные взгляды, не распространенные в Западной и Восточной Европе.

Для развития базовых навыков сбора и анализа языковых фактов, филологической интерпретации текста рекомендуется использовать материал Национального корпуса русского языка, работа над которым позволяет формировать именно данную профессиональную компетенцию – овладеть культурой мышления, способностью к восприятию, анализу, обобщению информации. В связи с тем что слово – это не только номинативная единица языка, но и орудие мышления и познания, именно работа с семантической структурой лексических единиц вырабатывает способность анализировать социально значимые проблемы и процессы, и в конечном итоге, – способность понимать сущность и значение информации в развитии совре-

менного информационного общества, сознавать опасности и угрозы, возникающие в этом процессе.

Таким образом, лингвистический материал, презентующий лексический уровень языка, дает прекрасную возможность формировать все необходимые профессиональные компетенции, на которые ориентирована программа бакалавриата и которые включаются в набор требуемых результатов освоения данной программы. Указанная особенность лексики обусловлена ее онтологическими свойствами, а именно непосредственной связью с объективной действительностью и, следовательно, актуальностью современного словарного вокабуляра.

Использование дидактического материала лексического характера как механизма компетентностного подхода в наибольшей степени, в отличие от материала других учебных предметов высшей школы, отвечает задаче формирования профессиональных компетенций, что в целом соответствует стратегическим целям высшего образования, обеспечивает подготовку конкурентоспособных и востребованных на рынке труда специалистов-филологов.

Список литературы

1. Аль Шаммари Маджида Джамиль Ашур. К вопросу о роли арабских заимствований в неологизации современного русского языка // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. – 2015. – № 3. – С. 183–189.
2. Демидова К.И., Зуева Т.А. Современный русский литературный язык: учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 320 с.
3. Заярная И.А., Куликова В.В. Проблемы реализации компетентностного подхода в вузе // Современные наукоемкие технологии. – 2015. – № 10. – С. 90–92; URL: <http://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=35166> (дата обращения: 21.12.2015).
4. Калинин А.В. Лексика русского языка: учебное пособие. – 3-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 232 с.
5. Милованова О.В.: Актуализированная лексика русского языка новейшего периода: дисс... канд. филол. наук. – Воронеж, 2001. – 197 с.
6. Современный русский язык: учеб. для вузов / А.Б. Аникина, Ю.А. Бельчиков, В.Н. Вакуров и др.; под ред. Д.Э. Розенталя. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1984. – 735 с.
7. Современный русский язык: учеб. для вузов / П.А. Лекант, Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков; под ред. П.А. Леканта. – 4-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 557 с.
8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 45.03.01 Филология (уровень бакалавриата). – М., 2014; URL: http://www.sgu.ru/sites/default/files/documents/2014/45.03.01_filologiya.doc.
9. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология: учеб. для вузов. – М.: Высш. шк., 1978. – 256 с.
10. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка: учебное пособие. – 2-е изд., испр. – М.: Просвещение, 1972. – 327 с.